

История первая

ПРО САМОЛЁТЫ, КАПИТАНОВ И КРЫШИ

*Рассказывает
Данька*

А у нас сегодня на улице лето началось! Мама говорит, мы привезли его из отпуска. Отпуск наш был далеко — у Чёрного моря. Там и правда было лето. Не то что у нас, в Академгородке. Мы уезжали в куртках, а у моря все уже ходили в шортах. А я ещё и в новенькой кепке с Человеком-пауком. Это супергерой такой. Он умеет выпускать из рук паутину и держаться на стенах. Я бы тоже так хотел! Поэтому я весь отпуск тренировался лазить по заборам. А ещё плавал прямо до позеленения и научился выпускать из рук водоросли!

Я бы много чего мог рассказать про Человека-паука. Но сейчас будет другая история. Самолётная!..

Потому что я летал на самолёте в первый раз в жизни. И не только в первый. Но и во второй! Туда и обратно. Только как летел до моря, я не запомнил. Просто у меня в животе что-то булькало и хотело вытошниться. Зато обратно я поднатужился и уговорил свой живот, чтоб он мне не мешал. И живот у меня молодец — послушался!

Я уселся прямо у окна и увидел между стёклами мотылька. Он попался, как в паутину к пауку. И его никак нельзя было оттуда выколупать. Я пробовал! Но тётенька-бортпроводница сказала, что она тоже пыталась и ничего не получилось. Тогда она поняла, что лучше ему остаться в окошке и полететь с нами. Наверное, этот мотылёк был что-то типа лета, которое за нами увязалось. Ведь он сам не смог бы преодолеть расстояние

между городами. А на самолёте — смог! Жалко только, что мотылёк занял не самое удобное место — внизу окошка. Оттуда же ничего нормально не видно! Так что я всю дорогу сидел и рассказывал ему разные интересные вещи.

Что сам самолёт зелёный, а крыло у него недокрашенное — белое.

Что когда в облаке, то ничего не видно — один туман в глазах.

Что в небе дороги пустые — я только два самолёта видел вдалеке, — так что можно гонять сколько хочешь.

И самое главное, что когда улетаешь с моря, то видно, какие красивые крыши. Красные, оранжевые и в крапинку. Пирамидками, овальные и с башенками. А есть такие, на которых устроен настоящий сад. И ещё есть крыши-горки — с них можно здорово кататься и здорово падать, если внизу разложить мягкие сугробы или хотя бы гору подушек.

Мне казалось, я так давно уехал и со мной столько всего произошло, что я совсем забыл своих друзей. Забыл, как они выглядят и чем вообще занимаются. Но когда мы вернулись в Новосибирск, я тут же услышал, как над нами бегают Уля и Марсик. Уля живёт прямо надо мной, а Марсик — над Улей. Так что я в выигрыше: я всегда слышу, как бегают сразу два моих друга!

Вот я услышал этот топот — и сразу всё вспомнил! Что Уля красивая и ловкая, как обезьянка. А Марсик пухлый и кудрявый, как барашек. И когда я всё это вспомнил, то тут же представил, как выйду завтра во двор, как они будут спрашивать, где я был и что делал, а я буду им полдня рассказывать, потому что со мной-то всё это было, а с ними нет.

И вот на следующее утро я быстренько слопал яйцо с сосисками и два раза постучал карандашом по батарее в своей комнате — это значит «приём со второго этажа». И мне ответили!

Уля постучала три раза, а Марсик четыре — значит, мы все получили сигналы и можно идти гулять.

Я надел кепку с Человеком-пауком, выскочил на улицу, уселся на лавке и стал ждать. И скоро они вышли: белые-белые, ни капельки не загорелые. И сказали:

— Привет!

И я им сказал:

— Привет!

А потом разговор почему-то закончился. Марсик лавку стал корябать, а Уля — камушек катать. И они оба молчали. И оба были в полосатых футболках. А я — в клетчатой. Как будто мы теперь в разных командах. Но непонятно, во что играть. И непонятно, что говорить.

Я подумал немного и сказал:

— А у моря было столько камней! Прямо тысячи. Нет, миллионы!

— А в горах на Алтае тоже много камней, — ответила Уля. — Я видела миллиард!

Тогда я сказал:

— А я, между прочим, на самолёте летал!

— До космоса? — спросил Марсик.

— Нет, до Чёрного моря, — сказал я.

А он протянул:

— Ну-у-у, если бы до Марса!

— Но я пока не могу полететь на Марс, — возразил я.

— Потому что ты ещё маленький, — ответил Марсик.

Я так возмутился! Ведь он гораздо младше меня — на целых два года!

— Сам ты маленький! — сказал я. — Ты такой маленький, что тебя бы даже в самолёт не взяли!

Но друзья мои больше ничего не ответили.

Тогда мне так обидно стало, что я прямо рассердился, вскочил и руками крылья показал:

— Я летал на самолёте! Вы вообще представляете, как это интересно?

И Уля ответила:

— Мы же в походы ходим, а там самолётов нет — только лошади и палатки.

А Марсик добавил:

— А я не хочу представлять. Я буду на ракетах летать. Ракеты лучше самолётов.

И он отодрал от лавки маленькую щепочку.

Я ещё больше рассердился. Да что же это такое! Вот живут на свете люди столько лет, и никто их на самолёте ни разу не возил! И ничего они про самолёт не знают! Сидят, как неродные, из отпуска не встречают! Даже порадоваться толком за меня не могут!

Я так внутри себя развозмущался! И вдруг предложил:

— А хотите, вас прокачу?

А они мне не поверили. Не поняли своего счастья просто.

— Чего?! — говорят.

— На самолёте, — говорю, — прокачу! По-настоящему!

И чтоб они не передумали, я к подъезду побежал:

— Сидите тут и никуда не уходите!

Влетел домой и попросил у папы два ремня, плед, какой-нибудь еды...

— Ты не в отпуск ли снова собрался? — хмыкнул папа.

Пришлось ему объяснить:

— Так просто — слетаю туда-обратно. Улю с Марсиком прокачу. А то, понимаешь, не все же на самолётах летали...

И папа меня сразу понял. Он дал мне два тёплых пледа, положил на них поднос, сверху — упаковку сока, пластиковые стаканчики, контейнер с сосисками, контейнер с варёными яйцами, шоколадные конфеты и вдобавок повесил на меня два самых крепких ремня. Я нагрузился, как трактор, и стал таким тяжёлым — наверное, как крыло от самолёта весил!

— Может, в два захода отнесёшь? — спросил папа, открывая дверь.

— Да это легкотня!

— Ну, смотри иди осторожнее. А то как бы полёт раньше времени не начался...

Зря волновался! Я очень даже ловко спустился с лестницы — ничего сложного! Только один раз упали контейнеры с едой. Но я смог исхитриться и поднял их. И скоро вышел во двор с кучей вещей на руках.

Уля и Марсик так и уставились на меня.

Я положил всё, что взял из дома, на траву и протянул друзьям ремни.

— Зачем это? — спросили они.

Я сначала удивился, что они такие бестолковые, но вовремя вспомнил, что они не летали, а значит, их надо всему учить.

— Так положено, — объяснил я. — Все пассажиры заходят в самолёт и первым делом пристёгиваются. Вдруг самолёт в трясучку попадёт?

А вы под ремнями, так что на землю не выпадете и долетите куда надо.

После таких слов Уля и Марсик поняли, что я не хвастаюсь и не ерунду болтаю, а подошёл к делу со всей серьёзностью. И они стали пристёгиваться.

Но если бы это было так просто! В самолёте-то человек держится ремнями, а ремни держатся креслом. А папины ремни были сами по себе ремни, да к тому же не самыми лучшими оказались — слишком короткие. Я пристёгивал Улю и Марсика к скамейке за животы, как в самолёте, — но ничего не получалось. Хорошо, что я придумал новый способ пристёжки! За ногу! Прицепил Улину ногу к лавочкиной ноге!

— А мы удержимся? — засомневался в таком способе Марсик.

— Будь спокоен, — сказал ему я. — В разных самолётах пристёгиваются по-разному.

Можешь живот или ногу. Или там... голову.
Главное – пристегнуться!

И я проделал с его ногой то же самое.
И укрыл пассажиров пледами! Ура! Можно
лететь! Я сел в самом центре лавки и строгим
голосом сказал:

– Уважаемые пассажиры, с вами говорит
капитан корабля. Сейчас...

– Ты что? – перебила Уля. – Какого ко-
рабля? Мы же на самолёт садились!

Я сам удивился:

– Точно!

И начал говорить заново:

– Уважаемые пассажиры, с вами говорит
капитан корабля... Да что со мной такое!

Я же точно помню, что пилот говорит имен-
но так. Но при чём тут корабль?

– Нет, на корабле я не поеду, – заявил
Марсик. – Я уже плавал на корабле на Реч-
ном вокзале. Я сам могу тебя прокатить.